Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum

Piliscsaba 9-14. VIII. 2010

Pars I

Orationes plenariae

Piliscsaba, 2010

Redegunt

Sándor Csúcs
Nóra Falk
Viktória Püspök
Viktória Tóth
Gábor Zaicz

Borító: Kemény Márton
Fotók: www.btk.ppke.hu

ISBN 978-963-88954-0-0 Ö
ISBN 978-963-88954-1-7 (Pars I)

© Reguly Társaság 2010

А. Е. Загребин - Г.А. Никитина
Ижевск

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ РОССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ XX ВЕКА: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Преамбула. В XX в., самом динамически насыщенном столетии всемирной исстопии, финно-угорские народы вместе со всей страной пережили как минимум две масштабных социальных трансформации модернизационного характера. В самом начале века это была модернизация, модель которой в отечественной историографии принято называть «имперской». На раннеиндустриальной стадии ее развития (вторая половина XIX – начало XX в.) традиционные, преимущественно аграрные, сообщества, в том числе финно-угорские, были вовлечены в процессы радикальных экономических преобразований и сопровождавшей их социальной эволюции.

Социально-философские и технологические концепты модернизации подчеркивают разнообразие путей «осовременивания» традиционных обществ, между тем, этнокультурная специфика протекания модернизации нередко упускается исследователями, преимущественно по причине их веры в универсальность либеральных ценностей. Лишь обнаружившаяся несостоятельность прямолинейного копирования предлагаемых моделей, а также проблемы мобилизованной этничности, актуализировали необходимость дальнейшего осмысления теории и практики модернизации, прежде всего на локальном уровне[12]. Об этом свидетельствует активизация региональных историко-культурных исследований тех обществ, где модернизация проходила в ускоренной «догоняющей форме», часто

12 См. подробнее: ван дер Лоо Х., ван Райен В. Модернизация. Проект и парадокс // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 33–50.

инициируясь со стороны более динамичных соседей. В сложившихся условиях самобытные этнокультурные системы должны были в сравнительно короткий срок воспринять новые качества жизни и расширить степень своей информированности об окружающем пространстве.

После октября 1917 г. Россия вступила в качественно новую полосу развития, которая обеспечивалась своеобразными идеологическими, институционально-политическими, экономическими инструментами[13]. «Имперскую» модель модернизации сменила «советская», во многом обнаруживавшая черты преемственности, что позволяет рассматривать их в едином исследовательском контексте. У России не было иного пути, кроме продолжения прерванного кровавой драмой Первой мировой войны перехода от традиционного, аграрного к индустриальному обществу.

На излете XX в. рухнул коммунистический строй, с краха которого для России начался отсчет нового времени. Генеральным вектором ее развития стали процессы преимущественно либеральной трансформации политической, экономической и социальной системы общества.

Исторический промежуток времени между социальными трансформациями начала и конца XX в. не был отмечен какими-либо кардинальными преобразованиями, ибо предпринимаемые реформы либо не увенчались успехом, либо не оправдали надежд реформаторов. Советское общество осуществило индустриализацию страны, испытало трагедию Великой Отечественной войны, открыло дорогу в космос, но его экономика развивалась преимущественно в русле экстенсивной эволюции, негативные последствия которой отчетливо проявились в последней трети столетия.

13 Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006. С. 11.

В современной историографии трансформация посткоммунистических стран анализируется с помощью теории транзита, имеющей определеную близость с теорией модернизации. Различными являются только точки отсчета. Если под модернизацией понимается переход от традиционного общества к индустриальному, то трансформации постсоветского времени интерпретируются как транзит от коммунистической командно-административной системы к модели развития западных стран. Правда, реалии первого пореформенного десятилетия показали, что механическое заимствование западной модели развития не стало рецептом и гарантом успешности российских преобразований. В этой связи транзитологический подход к проблеме стал подвергаться критике.

К анализу российских трансформаций рубежа XX–XXI вв. можно подойти и с позиций оценки качества содержания и стратегии проводимых реформ. При таком подходе невозможно не согласиться с мнением старшего вице-президента Всемирного банка Дж. Стиглица о том, что причины неудач коренятся в некомпетентности самих реформаторов, испытывавших «чрезмерное доверие к моделям экономики, почерпнутым из учебников»[14]. Действительно, прошедшие годы показали, что ход и результаты трансформационных процессов в России, а также надежды, с ними связываемые, не оправдались. Спутниками реформ стали болезненные социальные потрясения и регресс практически во всех сферах жизнедеятельности россиян. В этой связи изучение проблем, связанных с трансформацией постсоветского общества, приобрело чрезвычайную актуальность, что, конечно же, не снимает необходимости анализа радикальных преобразований начала XX в. и их последствий для судеб финно-угорских народов России. Наиболее актуальной представляется фиксация внимания на этнодемографических параметрах, уровне социально-

14 Цит. по: Иванова Н. М. *Особенности развития трансформирующихся обществ: подходы к изучению и основные проблемы* // Актуальные проблемы всеобщей истории. История мировых цивилизаций и судьбы России. Чебоксары, 2005. С. 7.

экономического развития, включенности в общественно-политические процессы, и, наконец, сохранности родных языков. На наш взгляд, эти аспекты заявленной проблематики являются достаточно важными и одновременно репрезентативными для суждений о степени адаптированности российских финно-угров к трансформациям XX века.

Социальные трансформации начала XX в. Финно-угорские народы Российской империи начала XX в. профессор А. Каппелер относит к числу «молодых», или «малых» наций, не обладавших собственными элитами, имевших несовершенную социальную структуру, не имевших традиции средневековой государственности, литературного языка, высокоразвитой профессиональной культуры. Это были «крестьянские народы», которые очень медленно вовлекались в процессы формирования национального самосознания. Нередко «малный народ» оказывался объектом двух или нескольких разнонаправленных национально-культурных и конфессиональных влияний: с одной стороны, русификаторской политики Империи, с другой – националистических устремлений соседних, более развитых народов[15]. История финно-угорских народов России – яркое тому подтверждение.

Успех модернизационных усилий последних предреволюционных лет находился в зависимости от развитости коммуникационной цепи от источника инновации до ее получателя, от ее способности обеспечить хранение и передачу информации, а также адаптацию тех или иных новшеств.

Не менее значимой представляется роль «получателя» инновации и его отношение к воздействию внешних сил. Понимание того, что традиционная ценностная шкала не выдерживает напора новых импульсов, может быть охарактеризовано понятием «культурный шок». Шок от того, что

15 Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение История. Распад. М., 2000. С. 157.

опыт, привносимый новой культурой, кажется чуждым и неприятным потому, что к нему не готовы, и потому, что он часто ведет к негативной оценке собственной культуры[16]. В этих обстоятельствах этнос обнаруживает склонность к замыканию и выстраиванию защитных барьеров, препятствующих проникновению «опасных новшеств». Иной стороной «культурного шока» становится то, что для ряда индивидов неожиданное расстройство жизненной парадигмы является стимулом для активной работы, прежде всего, над собой, воспитания лидерских качеств, чувства ответственности и предприимчивости. Вместе с тем, сохраняющаяся еще длительное время общность крестьянского мира создает необходимый уровень социальной поддержки, позволяющей основной массе легче пережить обнаружившийся дискомфорт.

Надо сказать, что в начале XX в. внешнее окружающее пространство для большинства восточных финнов уже не ограничивалось масштаба села, а имело довольно четкую профилировку, подразделяясь на реальный и абстрактный миры. Реальный, знакомый с детства, мир вбирал в себя дом, село, его ближние и дальние окрестности, соседей и людей из округи, приходящих в церковь, в волостное правление. Окраинными пограничными пунктами реального мира были ближайшие уездные города, составлявшие единый коммуникативный вектор, обеспеченный постоянным дорожным сообщением и «гоньбой ямщины». Освоение реального мира, продолжавшееся всю жизнь посредством впечатлений зрительной и звуковой памяти, вселяло в человека чувство уверенности. Абстрактный мир, ранее существовавший в виде некоего полусказочного фантазма, причудливо совмещавшего народные представления о государстве и «дальней стороне» с библейскими сюжетами и пантеизмом, со временем принимал все более четкие формы и образы. Рассказ школьного учителя, прививка от оспы,

16 Furnhaim A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L., N.Y., 1986.

воспоминания солдата, вернувшегося с военной службы, подтачивали традиционные барьеры. Шок, испытанный восточно-финским сельским сообществом при участившихся встречах с нестандартными ситуациями, имел и положительный эффект, выражавшийся в повышении ответственности за принимаемые решения как на индивидуальном, так коллективном уровне.

Фактором стрессогенности, определявшим утрату прежней стабильности, был постоянный приток в общины русских крестьян-переселенцев, обладавших новыми навыками и умениями и иным мировоззрением. Их инновационный потенциал нельзя недооценивать, но равенство социального положения и известная установка на конфликт снижали их роль в качестве агентов нововведений. В этом случае возрастала роль созданных государством органов, на которые была возложена функция трансляции инновационных идей. Так, земские учреждения, призванные решать вопросы хозяйственного и социального развития на местном уровне и местными же силами, сыграли важную роль в распространении полезных новшеств.

Возвращаясь к основной теме, следует отметить, что инновации варьируются и адаптируются большей частью по степени их практической надобности и престижности использования. Личный пример в этом случае наиболее действенен, особенно если он исходит от людей, находящихся «на виду». Керосиновые лампы, анилиновые красители, готовая одежда, фотографические снимки и многие другие вещи, ставшие атрибутами нового времени, появлялись первоначально у той части населения, которую принято называть сельской интеллигенцией. Отмечая новаторский потенциал служилой интеллигенции, не следует забывать о той ее части, что ранее других пришла к восточным финнам – о православных священнослужителях. Проводя государственную линию, они не могли не

оказать стимулирующего воздействия на паству через вверенные им церковноприходские школы, попечительства и семинарии. Говоря об особенностях протекания модернизационного процесса в сельском обществе, важным представляется вопрос о лидерах, чье авторитетное мнение определяло темпы и социально-экономическую направленность преобразований. В рассматриваемый период сложился своеобразный инновационный комплекс, связывавший людей, лично заинтересованных в успехе начинаний. Незримые нити пронизывали вертикально структурированное общество, последовательно проходя четыре основных этапа: «знание – убеждение – решение – восприятие».[17] Знание исходит от лидеров и приходит к лидерам. Но в первом случае это яркие индивидуальности, принадлежавшие к верхним слоям общества и, как правило, наделенные властным ресурсом, тогда как лидеры, воспринимающие инновационную эстафету, чаще выступают под прикрытием коллектива и традиционных ценностей, хотя внутренне они уже готовы идти и вести, отражать и транслировать. Как верно заметил С. А. Арутюнов, чуждые этнической традиции культурные заимствования проникают сначала в обыденную жизнь верхушечных слоев общества, а затем проделывают путь «сверху вниз», попутно обрастая связями синтетических взаимоотношений с традиционной культурой.[18] Благодаря этому, наиболее мобильные индивиды приходят к пониманию самоценности, но не самодостаточности традиционной культуры.

После октября 1917 г. исторически судьбоносным для восточно-финских народов – карел, коми, коми-пермяков, мари, мордвы и удмуртов – событием стало образование автономных государственных образований. Усложнилась их этническая структура. Практически у каждого этноса появились этническое ядро (компактно живущая на территории автономий

17 Rogers E. M., Shoemaher F. F. Communication of Innovation. NY, 1971. P. 102.
18 Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 197.

часть этноса), этническая периферия (компактные группы, проживающие на этнической же территории, но не вошедшей в состав национальной государственности), и, наконец, части этноса, рассеянные по территориям, занятым другими этносами. С этого времени началось несовпадение истории «национального» края и этнической истории народов. Однако на протяжении XX в. титульные автономные образования стали составной частью этнического самосознания финно-угорских народов. Как пишет С. Лаллукка, «этноконсолидирующее воздействие титульных республик и округов распространяется даже на тех представителей этих народов, которые проживают за пределами их автономий», и «крайне важно, чтобы эти автономные образования могли сохранить свой статус и целостность при проведении в России реформ административно-территориального устройства».[19]

В целом, первое послеоктябрьское десятилетие для финно-угорских народов стало временем значительного социально-культурного прогресса, становления многожанровой литературы, театра, развития профессионального изобразительного и музыкального искусства, расширения сферы функционирования родных языков, национального издательского дела, временем развертывания широкого научно-краеведческого движения, начала общественного движения по изысканию и сохранению традиционной культуры, народного творчества. Была создана письменность и национальная школа вепсов, ижоры, кольских саамов, ханты и манси.

Финно-угорская проблематика стала частью исследовательских инициатив, исходящих от местных научных обществ и центральных учреждений, заинтересованных в получении информации о функционировании этнической традиции и степени проникновения в нее

19 Лаллукка С. Динамика изменения численности финно-угорских народов России после 1959 г. // Финно-угорский вестник / Информационный бюллетень. Йошкар-Ола, 2004. № 4. С. 20–21.

инноваций.[20] Короткая волна признания коснулась молодой восточно-финской интеллигенции, с головой окунувшейся в стихию революционной учебы и строительства. Развернувшееся в стране в начале 1920-х гг. краеведческое движение вылилось в организацию ряда местных научных обществ. Благодаря их деятельности, сложился фонд новых знаний, расширивший существующую источниковую базу по традиционной культуре финно-угорских народов России. Таким образом, длительный процесс формирования финно-угорских исследований в России достиг той стадии, когда ценность народной культуры и значимость ее изучения была осознана самими российскими финно-уграми, когда из среды вчерашних просвещаемых выделились собственные просветители, для которых история родного края стала тем средством, с помощью которого можно было заявить о себе миру. Другое дело, что дальнейшие жизненные пути большинства из них будут печальны.

В основу ранней советской национальной политики был положен принцип равенства народов внутри союзного федеративного государства как средство достижения равенства в социально-экономическом и социально-культурном уровне развития разных народов, преодоления отсталости менее развитых. Советское государство отказалось от характерной для позднесамодержавного периода практики насаждения русских в органы управления и административные структуры национальных окраин. Был взят курс на так называемую «коренизацию», т. е. перевод делопроизводства на родные языки и подготовку представителей местного, коренного населения в правительственные и партийные аппараты, в учреждения образования, культуры, науки, здравоохранения, в промышленную отрасль.

Начатая в 1924 г. кампания наиболее успешно была проведена в выделявшейся этнической гомогенностью своего населения Коми (92,2%

20 См., например: Революция для всех. Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924–1927 гг.) / Сост., науч. ред., введ. и коммент.: А.Е. Загребина и А.А. Иванова. Ижевск–Йошкар-Ола, 2008.

коми в составе всего населения в 1926 г.). Здесь уже в 30-е гг. завершилось становление коми национальной школы, осуществлялось введение коми языка в текущее дело- и судопроизводство. На волостном и уездном уровне в основном была завершена коренизация советского и партийного аппарата.[21]

Иная картина наблюдалась в поволжских «финно-угорских» регионах. Так, в Удмуртии к 1935 г. на удмуртское делопроизводство не перешли даже в районах с чисто удмуртским населением. В Удмуртской, Мордовской, Марийской автономиях (в двух последних – в меньшей степени) процесс коренизации был осложнен практически полным отсутствием городского коренного населения. В 1923 г. в Ижевске рядом с русскими (91,1%) проживало лишь 1,9% удмуртов. В таких условиях взятый курс следовало проводить осторожно и тактично, но этого не произошло, и в конце 20-х гг. удмуртско-русские взаимоотношения оказались на грани взрыва. В целом, современная историография итоги кампании коренизации среди финно-угорских народов склонна интерпретировать как «плачевные».[22]

Поступательное развитие народов советской России в «золотые», по выражению А. Каппелера, двадцатые, было прервано унификацией, массовой коллективизацией сельского хозяйства, сопровождавшейся раскулачиванием и террором.[23] Для «аграрных» финно-угорских этносов новая политика обернулась настоящей трагедией, нанесшей невосполнимый урон, усугубленный массовыми репрессиями 1930-х годов. Последние практически «на нет» свели все результаты предшествовавшей работы по социально-культурному развитию советских финно-угорских народов. Был подорван культурно-интеллектуальный и нравственный потенциал, огромный ущерб нанесен языкам, национальному самосознанию.

21 Кузиванова О. Ю., Попов А. А., Сметанини А. Ф. В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар, 1996. С. 111.
22 Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 86–89.
23 См. подробнее: Каппелер А. Указ. соч. С. 274–281.

Фактически все первое поколение национальной интеллигенции было истреблено. Это означало, что у еще недостаточно окрепших этносов была уничтожена главная сила этнокультурного развития и воспроизводства – молодая национальная элита/интеллигенция.

Из духовной жизни вытравливались религиозные верования, вырубались и сжигались предметы культа у кольских саамов, священные рощи и постройки – у удмуртов и марийцев, закрывались и оскверняли́сь православные храмы у карел, коми, лютеранские – у ингерманландских финнов. Гонениям подвергались носители и хранители шаманизма. Прав марийский ученый К. Н. Сануков, считающий, что «многие негативные явления современной национально-культурной ситуации наших народов корнями уходят в тот период, являются не преодоленными последствиями тех событий. Поступательное развитие, когда последующее поколение интеллектуальных сил естественно опирается на предшествующие достижения, наращивая их, было прервано».[24]

Огромной силы удар был нанесен по удмуртскому крестьянству. После прозвучавшего на всю страну в 1929 г. скандального «Лудорвайского дела» удмуртская община была отождествлена с органом самоуправления – сельским сходом (*кенеш*), – против которого как кулацкого, контрреволюционного органа была развернута широкомасштабная кампания террора. В разгар массовых репрессий 1937 г. обвинение «участник кенеша» для жертв доноса или клеветы оборачивалось жестокой расправой вплоть до расстрела.[25]

В 1929 г. по сфабрикованному делу «Софин» были арестованы К. Герд и еще 26 удмуртов, 2 коми, 1 мордвин, (а также 1 русский) –

24 Сануков К. Н. Финно-угорские народы в культурно-историческом пространстве Евразии // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004. С. 52.

25 См. подробнее: Никитина Г. А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х годов). Ижевск, 1998. С. 169–199.

представители восточно-финской интеллигенции и ответственных работников, обвиненных в создании националистической контрреволюционной организации с целью формирования единой финно-угорский федерации под протекторатом Финляндии. На долгие годы в Удмуртии развернулась борьба с «гердовщиной» как идеологией якобы национальной узости и затушевывания идеи классовой борьбы в деревне. Поиски «буржуазных националистов», «вредителей» и «врагов советской власти» несли в себе смертельную угрозу для национальной интеллигенции края, и привели к большим потерям в сфере просвещения, образования, науки. В 1937 г., на пике репрессий, в Удмуртии пострадало 1 347 человек, в отношении 426 из них была применена высшая мера наказания.[26]

Послевоенное развитие экономической и социальной сферы, культуры советского общества характеризовалось противоречивыми тенденциями. Тяжелая социально-экономическая ситуация вынуждала к усиленному оттоку сельского финно-угорского населения за пределы своих республик и округов – на крупные стройки, целинные земли, где в отрыве от родной среды претерпевало процесс ассимиляции.

Самые негативные последствия для демографического, психолого-эмоционального, нравственного состояния финно-угорских народов имела политика ликвидации так называемых «неперспективных» деревень. В категорию таковых в первую очередь попадали малочисленные, по сравнению с русскими, деревни марийцев, удмуртов, коми, вепсов, карел и др. Превращение северных районов в места ссылки, огромное количество ссыльных и переселенцев значительно изменило национальный состав, в частности, в Карелии, Коми. Так, по данным переписи населения 1939 г., в Коми АССР насчитывалось 320,3 тыс. жителей, 90,0% из них проживали в сельской местности. Коми народ составлял 72,5% населения, русские – 22%. К 1959 г. численность населения республики за счет сотен тысяч рабочих

26 История Удмуртии. XX век. Ижевск, 2005. С. 203.

лесной, угольной, нефтегазовой промышленности возросла почти в 2,6 раза. Городское население за 1939–1959 гг. выросло 16,6 раза и составило 40,8%. Доля коми в составе населения уменьшилась до 30,1%, русских – выросла до 48,6%, украинцев – до 10,9 процентов.[27]

Промышленное освоение Севера и Сибири, разработка месторождений нефти и газа вместо повышения уровня и качества жизни привели к бедственному положению саамов, ханты, манси, родственных самодийских народов. Были погублены, залиты нефтью, выведены из оборота десятки, сотни промысловых угодий, рыбохозяйственных водоемов. За эти годы в несколько раз сократились уловы рыбы, добыча промысловой пушнины, заготовки орехов, грибов, лекарственного сырья, поголовье оленей. Местное население, оставив кочевой образ жизни, в ускоренные сроки было вынуждено приспособиться к современным социокультурным стандартам, тогда как финно-угры Балтийского региона и Центральной России, по словам А. Юнтунена, «к новым условиям жизни приспосабливались на протяжении столетий».[28]

Обские угры раньше других сибирских аборигенов испытали на себе последствия внешних воздействий, оказавшись в силу специфики своего расселения, одними из первых на пути освоения восточных регионов страны. Так, если в 1935 г. в Ханты-Мансийском автономном округе проживало 50,8 тыс. человек, то в 1967 г. – 250 тыс. (за 32 года общая численность населения округа увеличилась почти в 5 раз!).[29]

---

27 Жеребцов И. Л., Фаузер В. В. Этнодемографические процессы в Коми в XX – начале XXI века // Историческая демография. М.-Сыктывкар, 2008. № 1. С. 80-81.

28 Юнтунен А. Расположение финно-угорских народов балтийского региона и России с точки зрения геополитики // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов… С.167.

29 Пивнева Е. А. Этносоциальные изменения в среде современных обских угров // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию Р. Г. Кузеева. Уфа, 17–19 апреля 2009 г. Уфа, 2009. С. 263.

В 1960-е гг. был подорван главный рычаг этнокультурного развития финно-угорских (равно как и всех других нерусских) народов: обучение в школах, начиная с первого класса, было переведено на русский язык. Для малых северных народностей отрицательные последствия имело насаждение системы русскоязычных школ-интернатов, отрывающих детей от традиционной среды обитания.

Анализ демографических показателей восточно-финских народов Российской империи за 1719, 1848, 1897 гг. явственно свидетельствует о том, что до конца XIX в. их численный рост был гораздо динамичнее, чем у русских.[30] Однако данные 1926 г. стали первым предупреждением о начавшемся негативном дрейфе. С 1939 г. можно было уже говорить об относительном (а у мордвы – и абсолютном) их сокращении. Свою страшную роль в этнодемографических утратах, в прогрессирующей ассимиляции финно-угров сыграли репрессии 1930-х гг. Накануне двух войн – с Финляндией и Великой Отечественной – данные переписи 1939 г. были использованы в качестве источника информации о «неблагонадежных» национальностях, к которым были отнесены меньшинства, родственные народам, зачисленным в потенциальные противники СССР. Война с Финляндией усилила репрессии против всех финно-угорских народов, последствия которых наиболее губительными стали для ингерманландцев, ижоры, карел, особенно тверских. Лишения финно-угорских народов в 1939–1959 гг. привели к первому крупному провальному демографическому периоду в их развитии: убыль их численности составила 335,9 тыс. человек. После переписи 1959 г. сокращение численности мордвы, карел, финнов, вепсов, ижоры приобретает устойчивый характер. Второй период убыли населения – 1970–1979 гг. – дал отрицательный прирост населения в 62,3

30 См.: Калинин И. К. Указ. соч. С. 64–65.

тыс. человек. И, наконец, третий период – рубеж XX–XXI столетий – стал самым масштабным по потерям населения.[31]

В условиях, когда изменился национальный состав населения республик (в том числе финно-угорских) как следствие интенсивного промышленного освоения и высокой миграции, объективные этнодемографические и этнолингвистические процессы усугубились субъективизмом и непродуманностью установок в национальной политике. Полиэтническая структура населения регионов, в том числе за счет все более возрастающего количества межэтнических браков, превратилась в важный фактор социально-культурной и языковой ассимиляции этнических групп. Национально-русское двуязычие, ставшее характерной чертой большинства коренных финно-угорских народов, последовательно замещалось одним языком – русским. Этот переход сопровождался снижением функциональной нагрузки на национальные языки, сужением сферы их функционирования.

Со второй половины XX в. явной стала эрозия национальной политической элиты, сформировавшейся в процессе коренизации аппарата власти и превратившейся в так называемую этнономенклатуру. Питательной почвой для нее стало регулирование национально-демографических параметров в представительных органах власти. Оно продолжалось вплоть до 1990 г., но, к сожалению, в реальной государственной политике этнический фактор в самом широком смысле этого слова от этого не приобретал более актуализированные формы. Склонность местных этнических общностей к конформистскому поведению, с одной стороны, и желание номенклатуры во всех ситуациях самосохраниться – с другой, привели едва ли не к полному вырождению этнономенклатуры как выразительницы и защитницы интересов своих народов. Похоже, не без

31 Фаузер В. В. Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты и специфические особенности // Финно-угорский проект. Материалы сессии «проекта по обучению представителей неправительственных организаций финно-угорских народов». 2006–2008 гг. Сыктывкар, 2009. С.39.

оснований К. Н. Сануков адресовал генерации руководителей марийского происхождения достаточно нелицеприятные слова. По его мнению, она, сформировавшись с конца 30-х гг. и правившая до недавнего времени, передала «бразды правления выпестованной ею в своем духе смене», представляющей «собой весьма интересный тип людей, которых В. И. Ленин называл «обрусевшими инородцами». Они, как считает ученый, оторвавшись от родных корней, десятилетиями ущемляли и вытаптывали духовное развитие своего народа.[32] Нельзя сказать, что в постсоветских условиях финно-угорская этнономенклатура стала национально (этнически) ориентированной, более того – отдельные ее представители порой не гнушались попытками использовать энергию этнического ренессанса 1990-х гг. в своих целях.

На рубеже XX–XXI вв. в жизни финно-угорских народов, остающихся преимущественно «крестьянскими» (52% из них – сельские жители), решающими стали аграрные реформы. Сельские труженики оказались заложниками экономического реформирования и внедрения «дикого» рынка, исключившего из поля зрения государства все экономически нерентабельные, ранее дотационные, а теперь депрессивные отрасли народного хозяйства. Ситуация выпадения или исключения из новой рыночной экономики лишь развила наследие советского прошлого, в котором российская деревня, несмотря на лозунг смычки села и города, оставалась на периферии государственных интересов, а жители деревни – в числе наименее обеспеченных россиян. В настоящее время разрыв между городом и деревней стал более очевиден, так как неконтролируемые реформы привели к глубоким и опасным деформациям человеческого и производственного потенциала села, а аграрный труд приобрел черты архаизации, натурализации и примитивизации. На грани развала оказалась социальная инфраструктура села – образовательная, культурная,

32 Цит. по: Калинин И. К. Указ. соч. С.119.

медицинская. В северных территориях проживания финно-угров, где экономические условия для аграрного бизнеса гораздо менее благоприятны, кризис проявляется еще масштабнее.

Фактический отказ государства в адекватной помощи сельскохозяйственному сектору страны, разрушение политических, хозяйственных, социальных, идеологических основ предыдущего этапа развития вынудило финно-угорские народы искать новые опоры жизнедеятельности, устойчивые связи и отношения, опираясь на которые можно было бы обеспечить себе выживание или благополучие. Перед необходимостью таких поисков оказались все социальные слои, хозяйствующие субъекты (крупные и средние производители, по Т. Шанину – «крупхозы»), фермеры, семьи, другие малые группы села. Очень скоро среди них оформились полярные группы: одна из немногочисленных успешных адаптанов, другая – из представительного слоя слабых, балансирующих на грани выживания. Из второй группы постоянно рекрутируются дезадаптанты: в таких случаях корпоративные хозяйствующие субъекты становятся банкротами, отдельные семьи – маргиналами, а индивиды деградируют, формируя пока еще редкие ряды сельских люмпенов.

Устная информация, полученная от коллег из Мордовии и Марий Эл, результаты исследований современной удмуртской деревни свидетельствуют о том, что в названных субъектах преобладающее число успешных, экономически сильных крупхозов-адаптантов является преимущественно «титульным» как по составу рабочих, так и их руководителей. Можно сказать, что консервация аграрного труда и образа жизни финно-угорских народов, их трудолюбие, слабая горизонтальная мобильность в данном случае сыграли стабилизирующую роль в сохранении сельской местности и сельской экономики названных регионов. Результаты исследований сельских

реалий Удмуртии позволяют полностью согласиться с мнением известного российского географа Т. Г. Нефедовой, считающей, что социальная архаика «островных» этнических сообществ в кризисных условиях сельского хозяйства оказалась более устойчивой и даже более гибкой.[33]

Специфика адаптационных практик сельских финно-угров проявилась в том, что они, сохраняя, по сравнению с русскими, более выраженную приверженность коллективистским традициям, часто предпочитают оставаться в привычных рамках крупхозов. Однако при всех равных условиях основным ресурсом и механизмом выживания тружеников села стало личное подворье как наиболее надежный гарант социального и материального статуса при застойной безработице, низкой цене труда, задержках заработной платы, отсутствии перспектив и других регрессивных реалий современной деревни.

Превращение семейных хозяйств в активных игроков сельской экономики показало, что самостоятельность крестьянского социума России выразилась не там, где предполагалось (например, не в занятии фермерством). Оценивать подобную практику как однозначно позитивную и перспективную едва ли возможно. Выживание ЛПХ и демонстрация ими значимого экономического результата происходит за счет самоэксплуатации, которая гарантирует определенную экономическую и материальную независимость, но не уменьшает несвободу – несвободу от тяжелого (преимущественно физического) ежедневного труда, необходимости неотлучного пребывания в рамках собственного мелкотоварного хозяйства. Неслучайно один из отечественных крестьяноведов практику перелива энергии созидания селян в личные подворья назвал неоархаикой.[34]

В то же время ЛПХ, как никакая другая форма хозяйствования, ярко отражает степень активности-пассивности селян в условиях переходного

33 Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М., 2003. С. 386.
34 Великий П. П. Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 62.

общества. Если даже основная стратегия их поведения связана с выживанием, то и в таком случае четко просматривается деление сельского социума на индивидов (или семей), мобилизующих свои ресурсы и действия, и пассивных, не предпринимающих усилий для сохранения статуса. Первые демонстрируют образцы практик освобождения от патернализма, расчета на собственные силы, вторые – иждивенчества в ожидании социальной помощи от местного сообщества, органов власти или опеки.

Что касается занятия фермерством, прошедшее десятилетие показало, что этот ресурс сельским социумом (и идеологами реформ) был сильно переоценен. Фермеризации как страны, так и регионов не произошло. Существующие фермеры производство и реализацию продукции в основном осуществляют в рамках натурального обмена, практикуют формы неэкономического взаимодействия; многие функционируют в режиме само-обеспечения. За годы трансформаций фигура фермера в деревне стала узнаваемой, но фермерский уклад в сельском хозяйстве не стал ведущим.

Появление новых акторов сельской экономики в лице акционерных обществ свидетельствует о процессе концентрации производства (а заодно – и собственности) в руках крупных товаропроизводителей, преимущественно – городских бизнес структур, игнорирующих сельский социум в качестве субъекта этого процесса. Подобное становится возможным из-за модернизации экономических отношений преимущественно в технологическом и организационно-правовом направлениях, факторы же развития человеческого потенциала экономики, его нравственная и гуманистическая составляющие остаются в тени, что, кстати, усугубляет критические показатели качественных параметров демографического ресурса села.

В функционировании сельских сообществ в регионах проживания финно-угорских народов можно выделить некоторые особенности. Так, приграничное положение, наличие природных ресурсов, этническая общность с сопредельной территорией обусловили к Карелии особый подход со стороны ЕС. В данном контексте сельские сообщества региона оказались в уникальной ситуации: помимо внутрироссийских трансформаций, они стали непосредственными участниками инновационных международных инициатив, развитие которых позволяет говорить о карельской модели трансграничного сотрудничества. Очень важно при этом, чтобы сельские сообщества Карелии не стали «сырьевым придатком», периферийными территориями, а, воспользовавшись благоприятными трансграничными условиями, мобилизовали свой внутренний ресурс и вышли на альтернативные инновационные стратегии развития.[35]

Нечто подобное можно сказать и о северных территориях проживания финно-угорских народов России – Республике Коми и Ханты-Мансийском АО. Будущее этих регионов, а соотетственно и их населения, во многом зависит от результативности сотрудничества с Баренцевым Евро-Арктическим регионом, появления железнодорожной магистрали Белкомур как части транспортного северного коридора, связывающего Транссиб с портами Скандинавии и Архангельска («Баренц Линк»), новой инициативы Северного измерения с участием России, ЕС, Норвегии и Исландии.[36]

Эти инициативы вселяют надежды на решение социально-экологических аспектов устойчивого развития Севера страны и проблем коренных малочисленных народов, в первую очередь – сопряжения их права

35 Морозова Т. В. Современный социально-экономический потенциал и перспективы развития сообществ приграничного северного российского региона // Перемены в сельской России: 1991–2003: оценки, подходы, методы. Петрозаводск, 2005. С. 67.

36 Игнатьев А. А. Региональное сотрудничество на Севере //Социальные перспективы и экологическая безопасность. III Северный социально-экологический конгресс. Сыктывкар, 18–20 апреля 2007 г. М., 2008. С. 84–85.

на ведение традиционного образа жизни и традиционного хозяйствования с промышленным использованием природных ресурсов.

Нельзя сказать, что федеральное руководство не уделяет внимания развитию сельского хозяйства страны, как нельзя отрицать и своевременность принятия приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Однако многочисленные программы пока не складываются в единую осмысленную государственную стратегию, разработка которой жизненно необходима для всего российского сельского социума. Для финно-угорских народов она особенно важна потому, что условиях наметившегося процесса деурбанизации значение сельской части как важнейшего ресурса поддержания и сохранения этничности, как «страхового фонда» этносов многократно возрастает. Важно это и потому, что сельское население после деколлективизации в массе своей до сих пор находится в состоянии социальной дезорганизации и дезориентации, о чем среди всех прочих показателей, наиболее выпукло свидетельствуют данные демографии.

Согласно данным переписи населения 2002 г., общая численность финно-угорских народов России составляет 2,7 млн. человек, или 1,9% от общей численности населения России. По переписи 1989 г., эти показатели были равны 3,2 млн. и 2,2% соответственно. Таким образом, общее сокращение численности российских финно-угров составило 468 тыс. человек. Мордва «потеряла» 229,6 тыс., удмурты – 77,9 тыс., коми – 42,9 тыс., марийцы – 39,4 тыс., карелы – 31,6 тыс., коми-пермяки – 22,0 тыс. человек. Сократилась также численность вепсов, ижоры. Как видим, почти половина убыли населения приходится на мордву (было 1 073 тыс., стало 845 тыс.), которая вышла из группы народов с численностью более 1 млн. человек.[37]

Рост численности зафиксирован среди ханты, манси и саамы. Численность ханты с 1989 по 2002 гг., т. е. за 14 лет, выросла на 44%, тогда

37 Финно-угорские народы России. Статистический сборник. Сыктывкар. 2005.

как за предшествующие 10 лет (1979–1988 гг.) – на 7,7%. У манси эти показатели равны 51% и 12,2% соответственно. Увеличение численности названных народов некоторые авторы не без оснований объясняют тем, что с наступлением новых времен менять национальность на «титульную» при наличии смешанной крови стало привлекательным. Особенно это выгодно в северных районах, где коренное население пользуется определенными льготами.[38] Имеются сведения по разным странам, согласно которым меры позитивной дискриминации аборигенного населения усиливают стремления представителей иных групп записываться в его состав. Влияет на ход развития также то обстоятельство, что антропологический тип, отличающийся от большинства населения, задерживает ассимиляцию народов Севера.[39]

По замечанию коми демографа В. Фаузера, время между переписями 1989 и 2002 гг. по потерям населения для российских финно-угров стало самым катастрофическим: «Даже на общем фоне депопуляции страны в последнее десятилетие их демографическая динамика выпадает из общероссийских тенденций в худшую сторону».[40] Основная причина столь резкого (по сравнению с русским населением) сокращения усматриваются в совмещении двух негативных тенденций: продолжения ассимиляционных процессов и увеличения темпов естественной убыли. Естественная убыль во многом была обусловлена более «старой» возрастной структурой, сложившейся к периоду социальных преобразований. Наибольшее превышение доли пожилых людей над долей детей и подростков, свидетельствующее о демографическом старении, зафиксировано у карел, мордвы, коми, коми-пермяков и удмуртов.

---

38 Рыбаковский Л. Л. Динамика этнической структуры населения и место в ней русского народа // Историческая демография. 2008. № 1. С. 75; Пивнева Е. А. Указ. соч. С. 265.

39 Лаллукка С. Динамика изменения численности финно-угорских народов России после 1959 г. // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень. Йошкар-Ола, 2004. №4 (35). С. 19.

40 Цит. по: Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. С.23.

Демографические проблемы финно-угорских народов связаны и с их сельским происхождением. Социально-экономические изменения рубежа XX–XXI столетий наиболее болезненно сказались именно на сельском населении страны. Разрушение экономической основы жизнедеятельности и социальной инфраструктуры села радикально изменило демографическое поведение сельских жителей. На фоне социально-экономического и политического кризиса беспрецедентный характер приняли темпы снижения рождаемости. Начавшуюся депопуляцию ускорил значительный рост смертности. Переписью 2002 г. максимальная смертность зафиксирована у коми-пермяков, карел, мордвы и марийцев. Во всех финно-угорских регионах уровень смертности на селе заметно выше, чем в городе (при достаточно близких значениях общего уровня рождаемости).

Одна из демографических проблем финно-угорских народов – существенная половая диспропорция. Переписью 2002 г. наибольшие показатели половой диспропорции выявлены у карел и коми, но в целом, удельный вес женщин старше трудоспособного возраста у всех народов минимум в два раза больше, чем мужчин. Ужасающие размеры приняло соотношение полов у сельских ижорцев: на 1000 мужчин 3545 женщин! Столь неблагоприятная картина соотношения полов объясняется сверхсмертностью среди мужчин, в том числе – трудоспособного возраста, о чем свидетельствует низкий удельный вес мужского населения, дожившего до возраста старше трудоспособного. Так, в 2002 г. в Республике Коми доля лиц старше трудоспособного возраста у женщин составляла 24,8%, а у мужчин 11,7%; у карел 38,6% и 18,8%; у коми-пермяков 26,9% и 12,7%; у мордвы 35,6% и 18,7%; у удмуртов 26,4% и 12,9%; у марийцев 20,9 и 10,3% соответственно. У ханты и манси из-за высокой смертности доля населения обоих полов старше трудоспособного возраста и вовсе составляет менее 10%[41].

41 Фаузер В. В. Указ. соч. С.43–45.

Для большинства этносов характерно также увеличение, в сравнении с переписью 1989 г., удельного веса вдовых и разведенных.

Республика Коми вместе с Ханты-Мансийским АО оказались в числе двух национально-государственных образований финно-угорских народов, в которых доля титульного населения возросла в сравнении с 1989 г. В Карелии, Удмуртии, Коми-Пермяцком АО, Марий Эл, Мордовии доля титульных этносов в населении не слишком значительно, но сократилась.

Темпы снижения численности коми выше, чем у марийцев и удмуртов, но ниже, чем у других названных финно-угорских народов.

Уровень диаспоризации коми этноса остается одним из самых низких *среди финно-угорских народов (87,4% всех коми живет в республике).* Это объективно создает более благоприятные условия для его демографического воспроизводства. В то же время среди коми выявлена самая глубокая половая диспропорция, столь значительной величины в активном брачном возрасте нет ни у одного другого финно-угорского народа России, за исключением ханты и манси. Следствием этого может стать активный поиск брачных партнеров среди других этносов республики, что только усилит процессы ассимиляции среди коми.[42]

Значительные потери абсолютной численности финно-угорских народов России на рубеже XX–XXI вв. объяснить только демографическими факторами нельзя. Свою роль сыграли также факторы ассимиляции и этнической идентификации с доминантным русским окружением или иными национальностями. Судить об этом можно по тому, что от переписи к переписи шло уменьшение числа и доли лиц, считающих родным язык своей национальности при одновременном росте числа и доли лиц, считающих таковым русский язык. Так, в 1970 г. удельный вес мордвы, назвавшей родным языком язык своей национальности, составил 79,7%, в 1979 г. – 74,6%, в 1989 г. – 69,0%. В то же время вырос удельный вес лиц, считающих

42Жеребцов И. Л., Фаузер В. Указ. соч. С. 83.

родным языком русский: 20,3%, 25,4% и 30,9% соответственно. Аналогичные результаты были получены и по народам Севера. В 1959 г. только 15% коренных северян назвали русский язык родным, в 1970 г. – 23%, в 1979 г.– 29%, а в 1989 г. – уже 36%.[43]

Процессы аккультурации и языковой ассимиляции, принявшие весьма значительные масштабы среди всех финно-угорских народов, стали прямой угрозой лингвистической компетентности в области родных языков. Так, микроперепись 1994 г. показала, что русским языком в семье пользуются 966 манси, 957 вепсов, 864 ханта, 825 карел, 568 коми, 382 мордвина, 381 коми-пермяк, 363 марийца, 350 удмуртов из каждой 1000 названных народов, проживающих в своих национальных республиках или округах. Исследованием 1997 г. среди коми выявлено, что пятая часть городских подростков 16–17 лет, у которых оба родителя коми, предпочли этническую идентификацию с доминантным большинством, а не со своим этносом.[44]

Перепись населения 2002 г. только подтвердила факт языковой ассимиляции, причем все более масштабной и тесно коррелирующей с ростом доли финно-угров-горожан.[45] Так, если в сельской местности Коми родным назвали язык своей национальности 86,5%, то в городе – только 44,3%.[46]

Среди удмуртов, число людей, у которых родной язык совпадает с национальностью, сократилось с 75,7% до 66,6%. Среди городских удмуртов язык своей национальности назвали родным лишь 47%, в селе – 81,9%, хотя тенденции языковой ассимиляции усиливаются и здесь.[47]

---

43 Фаузер В. В. Указ. соч. С. 45–47.

44Жеребцов И. Л., Фаузер В. В. Указ. соч. С. 83.

45 Шабаев Ю.П., Шилов Н.В., Денисенко В.Н. Язык и этничность: Дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 94.

46 Жеребцов И. Л., Фаузер В. В. Указ. соч. С. 84.

47 Васильева О. И., Воронцов В. С. Языковые приоритеты сельских удмуртов // Образование и межнациональные отношения: теория и социальная практика. Материалы международной научно-практической конференции 14–16 ноября 2007 г. Ижевск, 2007. С. 14–17.

Результаты опросов показывают, что язык значительной частью населения по-прежнему воспринимается как важнейший этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер. Однако идеальные модели и реальная языковая практика очень далеки друг от друга. На практике наиболее употребляемым даже на уровне семьи оказывается не родной, а русский язык. Лишь 5% городских и 24% сельских учеников-удмуртов признались, что в их семьях общение идет только на родном языке, исключительно на русском общаются 27% и 14% соответственно.[48]

С начала 1990-х гг. в регионах проживания финно-угров предпринимаются различные меры по поддержке миноритарных языков: принимаются законы о государственных языках[49], повышается их статус, разрабатываются и реализуются государственные программы развития языков, усиливается работа по нормированию языков и т.д. Литература на национальных языках издается как социально значимая, т. е. за счет государственных средств. Тем не менее, заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит. И это объяснимо: финно-угры были и остаются этническими меньшинствами, при этом воспринимают русских как референтную группу, так как, несмотря на стабильное повышение образовательного уровня, все еще отстают в этом плане от русских[50], а доминантная культура, очевидно, воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная. Изменить ситуацию и культурные ориентации возможно при изменении демографических пропорций этнических групп и отношения к восприятию русского языка.

---

48 Воронцов В. С. Этнофон учебного заведения и языковые установки учащихся-удмуртов // Образование и межнациональные отношения… С. 20–21.

49 Карелия единственная республика, где карельский язык не является государственным. Принятый в 2004 г. закон РК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» не предусматривает придания ему такого статуса.

50 См. об этом подробнее: Финно-угорский мир. Стат. сб. Сыктывкар, 2004. С. 24.

Очевидно, ни того, ни другого в обозримой перспективе не произойдет. Эта тенденция сколь устойчива, столь же и долговременна.

Законы о государственных языках в Коми и Мордовии предполагают укрепление позиций коми и мордовского языка через введение обязательного обучения языкам титульных этносов всех учащихся средних школ, что воспринимается иноязычным населением субъектов, а порой и представителями самих титульных этносов, неоднозначно.[51]

На наш взгляд, корни подобных ситуаций во многом связаны с проблемами статуса и престижности финно-угорских языков, узостью сферы функционирования, достаточно низкой востребованностью самими носителями языков. Для их решения необходимо соблюдение как минимум двух условий. Первое – язык должен быть востребован в такой мере, какой обладание им начнет давать индивиду экономический, социальный, культурный эффект, второе – оказывать сколько-нибудь ощутимое позитивное воздействие на положение владельца языка в социуме. Сделать это чрезвычайно сложно, ибо малочисленные этносы объективно находятся в более уязвимом положении, и престиж их языков всегда будет ниже, нежели у доминантного населения.

Чрезвычайно сложна и задача расширения функций языков. Она «требует активных усилий для реализации масштабных гуманитарных программ завершения нормирования языков, определения допустимых пределов лексических заимствований и словотворчества, разрешения проблемы оптимального соотношения литературных языков и диалектных форм, а также многих других, которые до сих пор не решены финно-угорскими языковедами».[52]

Одним словом, в вопросе о повышении престижа языка меньшинств нет простых ответов. Очевидно, что демографический и культурный

51 Шабаев Ю.П., Шилов Н.В., Денисенко В.Н. Указ соч. С. 95.
52 Шабаев Ю.П., Шилов Н.В., Денисенко В.Н. Указ соч. С. 98.

потенциал основных взаимодействующих этносов в регионах проживания финно-угров (с одной стороны, русских, с другой – одного из титульных народов) несопоставим, и это решающее обстоятельство будет и впредь определять ход этнодемографического и этнокультурного развития. Неслучайно основная доля межэтнических браков в «финно-угорских» регионах приходится на браки финно-угров с русскими.[53]

По нашему убеждению, достаточно эффективную роль в повышении лингвистической компетентности, расширении сферы функционирования финно-угорских языков могла бы сыграть семья. Институт семьи – первый, самый близкий и самый главный агент социализации (в том числе этнической), имеющий большие преимущества перед всеми остальными социализаторами как традиционного, так и современного времени. Ни в каком обществе, ни в какой культуре ребенок сам не выбирает первый язык: таковым становится язык внутрисемейного общения. Обычно не решает он и проблему этнической принадлежности: за него ее решают родители и другие взрослые члены семейного коллектива. В недрах семьи индивид усваивает стереотипы и стили поведения, ценности, получает навыки и знания, в том числе этнокультурные, этносоциальные, конфессиональные и др. И сегодня не кто-нибудь, а именно родители решают вопрос о том, в какую школу и класс идти ребенку, изучать или не изучать родной язык (особенно в условиях города).

Результаты социологических исследований среди удмуртов убедительно свидетельствуют о том, что настрой детей (позитивный или негативный) на изучение родного языка зависит от родителей, от их установок и языковых ориентаций. Ребенок, чьи родители дистанцируются от этнокультурных ценностей своего народа, в том числе языка, равнодушны к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, едва ли вырастет с иными оценочными установками.

53 См. об этом подробнее на примере коми: Жеребцов И. Л., Фаузер В. В. Указ. соч.

Лингвокультурная компетенция детей в рамках семейного коллектива, углубление ее в стенах дошкольного учреждения, школы и вуза во многом связаны с матерью. Женщина в целом чаще, чем мужчина, ориентирована на собственную этническую культуру, особенно – сельская. К сожалению, современные матери, обучавшиеся в советской (не национальной) школе с конца 1950-х до начала 1990-х гг., часто не скрывают желаний сократить культурную дистанцию между своим этносом и русским, в том числе в сфере языковой. Многие из них придерживаются адаптивной стратегии культурной (русской) ассимиляции и не считают знание родного языка для своих детей необходимым.

Данные по удмуртской семье, а они могут быть экстраполированы и на другие финно-угорские народы, лишний раз убеждают в необходимости целенаправленной работы с семьей для сохранения витальности языков. В связи с этим хотим особо отметить принятую в 2009 г. вторую республиканскую целевую программу по реализации закона УР «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» на 2010–2014 годы. Она выгодно отличается от первой программы уже тем, что одним из главных приоритетов в ней названы работа с семьей и увеличение объемов аудиовизуальной продукции на удмуртском языке для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Как известно, степень сохранности этнических культур, в том числе языков, укрепление национального самосознания, межпоколенная трансляция духовных ценностей народов существенно зависят от элиты. К сожалению, говорить о наличии представительного слоя этнической бизнес- и политэлиты, которая оказывала бы значимое влияние на принятие управленческих решений в своих регионах, формирующих условия жизни населения, у нас, похоже, нет, поэтому ограничимся некоторыми

размышлениями относительно интеллектуальной элиты финно-угорских народов. Молодая и немногочисленная, преимущественно гуманитарная, в массе своей – крестьянских корней и потому городская как максимум во втором, а в основном – в первом поколении, она несет в себе слабости, присущие не только российской гуманитарной интеллигенции в целом. Она имеет и свои, «родовые» уязвимые места, проистекающие из исторических и социально-политических особенностей ее формирования, социальной, преимущественно сельской, и этнической ментальности. Этническая элита финно-угорских народов России постоянно находится в ситуации выбора – между своей этнической культурой и русской (или западной). Примером тому может послужить неспособность элит представить своим народам оптимальную модель развития, в которой разумно сочетались бы элементы традиционализма и модернизма, или модель культивирования билингвизма без утраты родного языка. Часть этнических элит, видя нормальность лишь в другой культуре, теряет нить исторического развития собственного народа и собственной культуры. Другая ее часть спасение этноса видит в изоляционизме и обращении к опыту Прошлого, спекулируя на уникальности и самобытности своих этносов. Именно на этих примерах явственно проступает рассогласованность в выборе векторов культурного прогресса финно-угорских народов в виде ассимиляции, консервации или общероссийской модели модернизации

В условиях демократизации общественной жизни интеллектуальная элита финно-угорских народов добровольно взяла на себя решение задач по подъему национального самосознания, сохранению и развитию культуры, продвижению в общество родных языков, организации национальных движений. Однако отсутствие опыта, наработанной политической культуры и последовательности в действиях, рассогласованность интересов, увлеченность желанием решать проблемы не социального или

экономического, а политического характера, часто приводили к политизации действий, неоправданной мобилизации (порой – до радикализма) деятельности национально-культурных организаций и объединений. Как следствие – совершались ошибки в выборе тактических и стратегических моделей решения тех или иных вопросов. К тому же усилия лидеров и активистов движений часто сходили на «нет», не получая ответных импульсов «снизу», где инерция общественной инициативы до сих пор остается достаточно слабой.

Специфика формирования национальных элит, этнической психологии финно-угорских народов влечет за собой одну из самых острых проблем современности – слабое участие в процессе принятия решений в своих регионах. Как выразился в отчетном докладе о деятельности Консультативного комитета финно-угорских народов за 2000–2004 гг. председатель комитета В. П. Марков, «невозможно насильно сделать счастливым даже отдельно взятого человека, не говоря уже о народе. Это получится лишь только тогда, когда сам народ не просто захочет, но будет стремиться к этому... [что] упирается в проблему наличия достаточного количества людей, способных грамотно принимать решения ... во всех сферах жизни»[54].

В этой связи особенно острой становится проблема национальных элит, готовых и способных решать социально-экономические, общественно-политические задачи в современных условиях. От них в первую очередь зависит степень представительства народов в законодательных, исполнительных и иных органах власти различного уровня. Между тем в выборных кампаниях в законодательные органы власти федерального и

54 Марков В. отчет о деятельности Консультативного комитета финно-угорских народов за 2000–2004 годы // IV Всемирный конгресс финно-угорских народов. Доклады и документы. Таллин, 2004. С. 43.

регионального уровней финно-угорские народы России неуклонно сдают позиции по представительству в них своих народов.

Смеем предположить, что не лучшим образом проявили себя национальные элиты в ситуациях, связанных с фрагментацией этносов по субэтническому признаку, ослабляющих консолидационные процессы как внутри народов, так и в целом финно-угорского движения. Накануне переписи 2002 г. лидеры коми движения «Изьватас», руководствуясь в основном конъюнктурными соображениями, призвали северных коми идентифицировать себя коми-ижемцами. Как показали итоги переписи, на этот призыв откликнулось 16 тыс. человек. Опасный характер приняло все более углубляющееся размежевание мордвы на эрзю и мокшу. На этой основе в середине 1990-х гг. произошел раскол мордовского национального движения на мокшанске и эрзянское. Его последствия зафиксировала микроперепись 1994 г., а перепись 2002 г. подтвердила еще раз. Менее масштабно, но не менее отчетливо субэтническая фрагментация на «горных» и «луговых» мари проявилась и в Марий Эл.[55]

На рубеже XX–XXI столетий характерным явлением в общественном развитии финно-угорских народов стало набирающее темпы международное финно-угорское движение. В научном и общественно-политическом лексиконе появилось устойчивое понятие «финно-угорский мир», реальность которого, к сожалению, некоторыми ученым и политиками подвергается сомнению. Процесс «воссоздания» финно-угорского мира интерпретируется как поиск новых идентичностей, рассматриваемых в качестве некоего символического капитала, формы культурной интеграции и инструмента политической мобилизации этнических общностей, или как

55 Казимов А. С., Никитина Т. Б., Попов А. А. О некоторых тенденциях в современных этнических процессах у финно-угорских народов России // Этнокультурное и конфессиональное пространство Российского Севера в условиях экономического роста. Материалы Второго Северного социально-экологического конгресса «Горизонты экономического и культурного развития». Сыктывкар, 19–21 апреля 2006 г. Сыктывкар, 2007. С. 21–22.

стремление отдельных людей, групп, движений, этнических элит разыграть финно-угорскую карту с целью обеспечения привилегий и политической поддержки извне. Так или иначе, современное международное финно-угорское движение – это реальный фактор, консолидирующий финно-угорские народы в культуре, образовании, науке и информационном пространстве. Расширяются и укрепляются связи по линии народной дипломатии (как между регионами России, так и с зарубежными финно-угорскими государствами). Происходит более глубокое осознание того общего, что связывает финно-угорские народы, нарабатывается опыт решения жизненно важных вопросов, в том числе сохранения языков и культур. Консультативный комитет финно-угорских народов стал координирующим центром сообщества, сумел создать разветвленную систему связей с различными государственными и неправительственными организациями, благодаря которой финно-угорское движение стало заметным общественным явлением как в РФ, так и на международной арене.

В то же время следует признать, что в рамках России движением охвачен тонкий слой представителей финно-угорских народов. Сельское население, как и прежде, слабо или никак не реагирует на проблемы осуществления национального интереса, а городские финно-угры глубоко втянуты в процесс ассимиляции, будучи ориентируемы в основном на ценности российского масштаба. Российское финно-угорское движение обнаруживает слабую консолидацию, в его недрах ощутимы желания регионов перетянуть «центр активности» (подкрепляемый определенными финансовыми вливаниями из федерального бюджета) на себя, налицо – увлечение организацией массовых мероприятий празднично-фестивального формата, тогда как жизнь требует систематической работы по решению проблем более прозаического характера.

Резюмируя, отметим, что от финно-угорских народов России, как и от всех россиян, XX век как минимум дважды потребовал чрезвычайной мобилизации с целью адаптации к социальным трансформациям, кардинально изменяющим жизнь и привычную картину мира. Благодаря наработанному опыту, они сохранили свою идентичность, культуру, языки, социальный статус, хотя многое утратили в названных же сферах. Можно констатировать, что при относительно успешной социальной и социально-психологической адаптации современные финно-угры переживают кризис психической адаптации, проявлением которого являются массовые формы саморазрушающего поведения (алкоголизм, суицид).

Все российские финно-угры давно включены в единое экономическое пространство страны. Практически не осталось таких отраслей экономики, которые были бы специфически исключительными для коренных народов. Даже оленеводство, являющееся образом жизни для многих манси, ханты, ненцев, претерпевает последствия давления моноструктурной экономики, опирающейся на топливно-энергетический комплекс. Ранее считавшаяся традиционной отрасль рыболовства также испытала на себе приток рабочей силы извне. Все это с уверенностью позволяет констатировать, что дальнейшее развитие финно-угорских народов России всецело будет зависеть от федеральной политики, но не только. Достижение успеха зависит и от самих финно-угров, их активности в строительстве многонационального федеративного Российского государства.

Современность ставит перед российскими финно-уграми не менее сложные, чем в XX в., задачи. Глобализация актуализирует проблему адаптации к условиям информационного общества в единстве технологических, социальных, экономических, правовых и политических факторов. Достойные ответы на новые вызовы во многом зависят от молодежи, ее интеллектуального потенциала, конкурентоспособности,

нравственного, физического здоровья, гражданской ответственности за судьбы своих народов, их языки и культуры. Вырастет ли она такой, зависит от того, как умело будут использованы имеющиеся ресурсы (а они еще есть!), и стратегические принципы выживания, заключающиеся в первую очередь в культурной стойкости, открытости и гибкости[56].

56 См. подробнее об этом: Хонко Л. Стратегии этнического выживания: финно-угры России // Финно-угорский вестник. Информационный бюллетень. Йошкар-Ола, 2000. №1 (17). С. 11–19.